

Галина ЩЕКИНА

БРАТ КАЗИМИР

«При наступлении дня великого все мы были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где мы находились. И явились разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из нас. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как бы Дух давал им право вещать. Молимся же вместе, братия и сестры...»

Брат Казимир закончил проповедь и поднял руку, разрешая песнопения.

Высокие девичьи голоса серебряно зазвенели: «Как встарь, Ты царь. Ты свет, Мудрый завет». На фоне гитар и синтезатора это было так неожиданно, так волшебное...

Вскоре он обернулся на шум у двери. Обычно в молитвенном доме не было никакой толкотни, прихожане, как равные, легко уступали друг другу. На чисто вымытых полах не было мусора — все берегли усилия друг друга, прибирали по очереди. Казимир, пригнувшись, шагнул в небольшой белый коридорчик. Он был высокого роста и зараннее оберегал свою красивую голову от лишних ударов. Замедленные движения делали его похожим на крадущегося. Увидел: его сестры во Христе держали за руки пожилую женщину в ярко-синем бархатном плаще. «Не кричите, — увещевали её, — сейчас кончат петь, и всё решим».

Женщина в переливчато-ярком плаще, очень в годах и, видимо, крайне взволнована, вся покраснела, и лицо её подрагивало каждой отдельной черточкой.

— Вы, что ли, батюшка? Скажите им, они не понимают... я не могу... Не могу, — заикалась она.

— Успокойтесь, — Казимир участливо склонился к ней с высоты своего роста. — Что вас расстроило?

— Понимаете, я научный работник. Никогда не ходила в храм. И вот сегодня почувствовала — пора. Годы, знаете... — она замолчала, судорожно слотнула, вытащила платочек.

— Это же хорошо. Продолжайте.

— Я пришла в храм, который в парке за фонтаном.

— Догадываюсь. Дальше.

— Брат Казимир, мы ей всё сказали. И что служба, и что записаться...

— Так вот, я, наверно, уже опоздала к началу исповеди. Смотрю: народу мало, решила попроситься. Стала обходить по стеночке молящихся, а меня как раз толкнули: «Куда прёшь, старуха? Не видишь, что исповедники?» — «Так я тоже на исповедь». — «В очередь встань, старуха». Я еле решилась. Мне нужно было решиться. Я ведь всю жизнь считала себя атеисткой, а тут что-то случилось со мной, но меня выгнали, понимаете?

— Успокойтесь! — ещё раз повторил высокий человек. — Если у вас такая надобность, то запишитесь, пожалуйста, вон там в журнале. У нас есть исповедь по определённым дням.

— Да не могу я по определённым дням, я же работаю. Мне вот сейчас надо.

— Но если я займусь вами, — мягко возразил высокий, — значит, другие останутся без внимания, ведь люди записывались заранее.

— Перестаньте разводить бюрократию. Если вы тоже меня выгоните, это будет последний день, когда я решилась обратиться к Господу.

— Так-так, — протянул священник. — Доброе дело не делается под давлением. Только добровольно. Надо, чтобы вы были готовы и чтобы я был готов.

— Ещё чего! — взмутилась дама, размазывая непрошеные слёзы. — Вы всегда должны быть готовы.

— Я прошу вас не диктовать мне ваши условия. Подождите одну минуту.

Высокий сходил в ту комнату, где проходило до этого служение. Народ уже расходился. В маленькие окошки заливалось солнце. Он пошептался со своей помощницей и нехотя — видно было, что он превозмогал себя, — нехотя вернулся обратно к даме в пышном плаще, держа в руке поданный сестрою ключ.

— Я могу с вами поговорить сейчас, — мягко сказал он и тронул её за рукав.

Она резко обернулась и закивала головой. Женщина была очень взвинчена. Но по-

няла, что всё устроится, и прижала платочек к глазам. По дороге в отдельный кабинет ещё несколько раз судорожно вздохнула, повторяя: «Нет, я не могу, не могу...» Они говорили недолго, и, выходя, дама выглядела тихой, успокоенной. Даже слабая улыбка проступала на усталом лице. Она толкнулась было в зал заседаний.

— Что вы, что вы, нельзя сюда, — зашептала давешняя сестра во Христе, помощница высокого. — Это у нас, понимаете, зал для собраний, тут убрать нужно. Вас выслушал брат Казимир, как обещал?

— Да, выслушал, — дама опустила и тотчас подняла голову. — Он что, батюшка?

— Да, он наш пастор.

— А как же сутана, крест? Он ко мне вышел в простом белом свитере...

— Мы о парче не заботимся, мы о душе заботимся.

— Это правильно.

— Так что же вы хотите? Всё хорошо?

— Да, всё нормально. Я пришла в себя. Спасибо. Вот что! Надо бы вам денег дать, но я не знаю, как это сделать.

— Вы хотите сделать пожертвование нашему молельному дому «Слово Истины»?

— Да, пожертвование вашему молельному дому.

— Так вот, пожалуйста, вот у нас урночка и надпись. Прочтите молитовку благодарственную и будьте любезны.

— А не надо ничего подписывать?

— Не надо. Это же ваша добровольная жертва, вы отдаёте, а не просите. Вон текст молитвы.

— Хорошо, молитва.

Рядом с урной выложена бумага. Всё стоит на резной тумбочке, накрытой кружевом. Дама тихо приблизилась к назначенному месту, потом неуверенно прочитала молитву по бумажке и быстро опустила в прорезь сложенную несколько раз денежку. Видно было, что ей стало значительно легче, она снова начала улыбаться и произнесла:

— Спасибо вам. Как вас зовут?

— Сестра Ларина.

— Спасибо, сестра Ларина. А как зовут вашего батюшку? Или как тут у вас?

— Нашего пастора зовут брат Казимир, но проповедует ещё сестра Марфа. А исповеди только он ведёт.

— Что ж, достойный молодой человек. Можно я ещё приду?

— Приходите, что бы ни привело, счастье или несчастье, неважно. С нами всегда Господь.

— Ну, как сказать. Я просила исповеди, мне эту возможность предоставили, так я теперь знаю, что сюда можно прийти в каком-то критическом случае.

— Да-да, приходите. Потому что Господь всегда тут, и он всегда поможет.

Дама в широком синем плаще с переливающимися неоновыми-голубыми пятнами медленно вышла из молельного дома и задумчиво пошла к мосту. «Всё-таки странное место, — подумала она. — В парковом храме, который на всех перекрёстках хвалят, меня не услышали, даже вытолкали. А здесь, в таком простом деревянном домишке, я нашла сочувствующих людей. И цветы кругом. Надо им принести ещё цветов. Странно, странно...» Слабая улыбка снова осветила её лицо. Неся улыбку впереди себя, дама задумчиво пошла дальше.

Брат Казимир, выйдя из молельного дома «Слово Истины», направился к своей старенькой машине и поторопился отъехать. Он знал, сёстры во Христе всё приберут и закроют. А сестра Марфа на сей раз сама доберётся. У неё дела в городе.

Марфа... Кир Казимиров несколько лет назад познакомился с девушкой на философском форуме, она обращала на себя внимание кротким нравом. Она никому не возражала, не перечила, перед всеми извинялась. Казалось бы, форум для того и нужен, чтобы спорить. Но она — нет. «Простите, я новенькая. Извините, я начинающая...» А сама не так уж проста.

Собравшиеся на форуме относились к экзистенциалам, для которых Хайдеггер и Ясперс — основоположники. Но в схоластических спорах Марфа всегда старалась свернуть разговор к основам. «Экзистенция, — говорила она, — основа. Мы когда её постигаем? Только в критические моменты жизни. А это вечная категория. Но мы же не на время философы...»

Казимиров на всякий случай попросил электронный адрес, они познакомились. Доброта Марфы не была ни притворством, ни прикрытием. И он с его знанием людей почему-то потянулся к ней, начал писать ей много и часто. Ему нравилось все живое, изначальное. Марфа не удивлялась, она оказалась простой, общительной. Она была самостоятельной в суждениях, но не боялась быть в чём-то беспомощной. Некоторые

любят ссылаться на феминизм, дескать, требование времени. А эта девушка казалась в чем-то старомодной, помощь сильного не отрицала...

Над столом у Кира появилась её фотография: на фоне морозного ночного окна за-таенный полупрофиль, белое обесцвеченное каре, тёплые карие глаза, пухлые щёчки, округлый рот. И маленькое тату лотоса у ключицы. Его почему-то беспокоило тату. Что это значило — любовь к востоку или демонстрация тайного, о чём они не говорили? И всегда эти внимательные глаза, эти белые волосы, чёрный джемпер, вырез лодочка и тату. «Да ладно! Лишь бы не череп!» — отмахивался он от лишних подозрений. Ей хотелось доверять. Она никак не была похожа на сатанистку.

...Рабочая неделя Казимирову предстояла довольно жесткая. Как старший сметчик, он отвечал не только за сметы по видам работ, но и за гранд-смету, то есть генеральный документ всего объекта. Вот выдали им, допустим, новый проект — там расходы по всем видам работ надо. Но пока идёт стройка, расходы страшно возрастают по ценам и по коэффициентам. Всё это надо без конца пересчитывать. А вот если реконструкция, там вообще надо рассчитывать плюсом демонтаж. И если напорол подчинённый Казимирову сметчик, то трепать будут не его, а Казимирова, который, конечно, будет хвататься за голову, но сам же и пересчитывать сядет. Хуже нет — отвечать за чужие грехи. За свои бы ответить.

- Казимиров, заходи к главному.
- Хорошо.
- Идёшь сейчас или когда?
- Нет, после планёрки.
- Так и скажи.

Но Казимиров никогда не отвечал определённо, если это срочно не требовалось. Надо, чтоб всё было хорошо? Он так и отвечал, чтобы отстали. А если отстанут, он сосредоточится и разберётся. Главный сейчас накричится на планерке, а потом на Казимире зло сорвёт. А надо сделать так: пока главный проорётся, рассчитать ещё раз кровлю. Развернуть эти простыни в цифрах и пальцем по калькулятору. Надо постараться уйти на отдельный участок, чтоб можно было отвечать только за себя, а не за того парня.

- Алло. Чего, Марфа? Только пришёл на работу.
- Дети говорят, что у них дедовщина.
- Чего еще? Это ж не армия...
- Не хотят в школу идти.
- А кто их прижимает? Дети из класса? Или кто?
- Говорят, учителя.
- Я разберусь. Пусть один день не сходят.
- А что будет, когда станет трое?
- Да не шути так. Чего ж они вчера-то молчали?
- Потому что родители поздно домой пришли, говорят.
- Так я с автомойки сразу приехал, ещё семи не было.
- Значит, струсили!
- Не ругай их. А то запугаем, всегда врать будут.

Пока шла планёрка, Казимир пересчитал кровлю на простой профиль и на черепицу.

- Ты что, не слушаешь? — повысил голос главный.
- Ещё как слушаю. Вы были не уверены в кровле. Вот, я проверил кровлю. По профилю так вообще нормально, можно подписывать.
- Иди отсюда. Ты у меня сам всё подпишешь и сам ответишь.

Ну, и хорошо, значит, пары уже спустил, гроза мимо прошла.

Позвонил в школу. Какие проблемы? Надо всё разведать. Оказалось, класный руководитель недовольна итогом похода в театр. Дисциплина тут ни при чём. Кир спросил, на что сейчас собирают родители. Ах, на поездку в Москву. Обойдёмся пока. Нам надо на учёбу налечь.

Нет, дело не в соревнованиях и даже не в театре. Есть некая недоговорённость, а это можно понять только при личной встрече. Ах, так вы настаиваете на личной встрече? Дача и сын у него совсем не глупые. А что-то упёрлись рогом. У него же есть рычаги. Он сколько уже денег сдал в фонд родительского комитета. Вот именно.

Звонок в школу ничего не дал.

Казимир любил скучную и мелочную работу сметчика. То есть не то чтобы любил. Но отдавался ей, позволял себя заваливать. Он свои тяжёлые вьющиеся волосы заправлял за уши, нахмуривал лоб, одёргивал решительно свитер и — вперёд. И ничего кроме цифр не было в этот момент.

Да вообще не надо было соглашаться на минимальные объёмы. Цены же плывут, придётся опять пересчитывать. Говоришь им про вилку, говоришь. Про двойные линей-

ки цен. А всё равно не слушают.

Он должен детям на хлеб заработать? Разумеется. И должен, и хочет. Но учительница явно темнит. Сын с дочкой темнят. А Марфу, видимо, с работы уволят. Который месяц держат в неоплачиваемом отпуске. Ох, не к добру. У Марфы на работе началась реорганизация. Поэтому сокращения. Философия упадёт первой. А у неё контракт кончается. Ну, спорщицей она не была никогда, ясно. Не многодетная, не инвалид. Но не продлят, видимо, контракт. А это значит, из общежития их могут попросить.

Задумался. Наморщил лоб. Потом позвонил брату во Христе: «Алло, Мирон? Ты когда собрался строиться? Участок ещё в прошлом году взял. Как не собираешься? Да понимаешь, жену сокращают. И мы вылетаем из общежития. Может, уступишь? У меня уж кредит оформлен. Так что...»

Через неделю у Казимира на пустыре, который изначально застолбил для себя Мирон, встал каркасный двухэтажный домик на винтовых сваях.

Братья и сёстры ему помогли. Их даже уговаривать не надо было. Только сказать после службы: «О помощи молю...» Десять человек вызвались. Они ведь и тогда в чёрную минуту, когда их выпроводили из прежнего-то помещения, всё поняли, не шумели, пожертвовали на аренду нынешнего молельного дома. О нервотрепке с арендой можно на время забыть. Домик на берегу уютно светился маленькими окошками в ненастные сырые вечера.

Община «Слово Истины» была немногочисленной, меньше полсотни человек. Часть — из местного философского кружка, часть — партнёры по стройуправлению. Но нашлись среди них и кровельщики, и сантехники. И сам Мирон — оконщик со стажем.

Теперь по утрам Кир будил Марфу: «Вставай. Уже пять часов». Марфа чуть слышно постанывала, но вставала. Разогревала детям кашу с сардельками и накрывала на стол. Они ехали на стройку конопатить, утеплять. Красить, полы шлифовать. И так целый долгий месяц. Приезжали на машине с утра, до девяти, потом он отвозил Марфу в общежитие, а к десяти маршруткой ехал на работу с красными от холода руками. А машину дома оставлял, чтобы быстрее детей отвезти в школу на вторую смену.

В выходные, конечно, надо было отвести службы в молельном доме, и только вечерами разрешалось на стройку.

Может, Казимировы были двужильные? Да нет, такие же, как все. Но с тихим и цепким чувством долга.

Зато в ноябре, когда Марфу окончательно уволили и с общежитием на дверь показали, в домик на пустыре можно было въезжать. У Мирона был микроавтобус, так он помог переехать. Женщина-комендант пришла Казимировых выселять с якобы скорбным своим лицом, а комната вообще не закрыта. И пуста. Только остовы казённых кроватей с пружинами. Даже пол подмели. И ключи на подоконнике.

Однако дети, Бронислава и Пересвет, пришли в такое возбуждение, что мотались как шарики по всему дому и никак не хотели помогать. Правда, и помощи от третьего класса немного. Но всё же. Прыгали до полного истощения энергии, а потом, как узнали, что у них будет по отдельной комнате, ринулись туда и притихли. Тихо стало.

— Вы что? Вы где? — побежала на второй этаж Марфа. — Что делаете тут?

— Живём, — ответила шёпотом светленькая Бронислава, сидя на полу.

— Живём, — повторил тёмненький Пересвет, валяясь на спине.

— Недоделок, конечно, много, — сказал запыхавшийся Кир, ставя на пол очередной мешок с книгами. — И спать пока на раскладушках придётся. Но зато отопление от котла, и ещё железный камин внизу. Решетки поставим. Я скоро тамбур добавлю, двери на холод не страшно будет открывать. Мирона отпустил, шкафы-то мы занесли. Только собрать. Столы тоже. Остальное сами. Что скажешь, жена?

— Однако, ты — мужчина. Дом есть, мы не пропадём. А вот адрес?

— Тут возле рощи вроде почта есть. Заеду. Но что-то мне подсказывает, что адрес наш — Пустырь. Домов-то ещё мало.

Оказалось, что адрес — Лиловый пустырь, 3. Потому что пустырь, когда зарастает иван-чаем, становится лиловым.

Почему-то всегда при повороте судьбы Казимиру попадались женщины. Так было и когда работу искал в новом городе. Он её нашёл только потому, что принимала его в отделе кадров женщина-инспектор. Она посмотрела карточку по учёту кадров, заполненную при ней же. Полистав резюме, сказала:

— Галочки стоят там, где начальник пишет. Идите на третий этаж, там в стекляшке спросите.

— Может, лучше позвонить сначала?

— Так они давали заявку на сметчиков. Идите, возьмут, — и улыбнулась криво и устало в своём апельсиновом пакетике.

Приняли! Марфа уже работала в местном институте на кафедре философии, с ма-

ленькой ставкой, но зато с общежитием. Места в саду продал сослуживец, ему надо было другой район. А Марфе что район, на машине всюду можно доехать.

В общине тоже подавляющее большинство женщин. Вот в синем плаще пришла недавно Каролина Львовна, сотрудница музея. Став примерной прихожанкой, сына привела с синтезатором. А Кирилл очень ценил поддержку музыкантов. Зал подхватывал песни быстрее, чем молитвы. И собрания проходили незаученно, душевно. И после них в жертвенной урне прибавлялась копейка.

А когда они приехали сюда осенью в проливной дождь? Остановились в гостевом доме, где им выделили целую секцию. Администраторша постаралась. Просто рассыпалась в любезностях и посуду на кухню принесла для них лично.

Но началось всё с Марфы, конечно. Она начало всего. Они год переписывались, потом встретиться решили, выйти из виртуального пространства. Кирилл Казимиров прилетел в Петрозаводск на самолёте. Она его встретила как старого друга. Обедали в «Карельской горнице», где сидели до вечера, взахлёб говорили. Точней, говорила она. Кирилл подозревал давно, что женщин покорять не требуется, самое главное — их выслушать. Он просто молча поддывал в её бокал светлого вина и слушал, опершись подбородком на согнутый локоть. Слушал и кивал. Он, собственно, всё о ней уже знал. Закончила университет, взяли на кафедру как отличницу, аспирантка, любит симпозиумы, плавание, Древний Рим. Медлительная, тихая, подверженная самоедству, с вечным вопросом в глазах. Старше его на три года.

— Ну, я уже всё рассказала. А ты ничего не рассказываешь. Что молчишь?

— Любуюсь.

— А ещё?

— Ты меня обгоняешь по всем параметрам. Красный диплом. Работа. Наука. Я же диплом только собираюсь защищать.

— А ещё?

— А ещё тебя.

И подал ей коробочку с помолвочным кольцом. Узенькое, изогнутое, с топазом. К помолвке не стоит широкое. Это же только намёк, приглашение. Марфа покраснела как рак.

— Я же старше тебя.

— Зато я выше ростом.

— Я могу подумать? — видно было, как она вся напряглась.

— Конечно, думай. Но в нужную сторону. А то мне пора на самолёт.

Она вздохнула. Она действительно не знала, что делать. Остаться с ним в первую ночь — слишком. Сделать вид, что ничего не произошло, — поздно. Даже глаза защипало. У него волосы длинные, чуть не до плеч. Руки слишком белые, это перечёркивает её представления о мужественности. И почему он всё время улыбается? Смеется над ней?

Она поехала провожать его в аэропорт, кусая губы, подозревая, что жизнь кончена. Но жизнь только начиналась. Перед выходом на поле он так её целовал, будто раздумал улетать. Очередь людская торопливо забиралась в автобус. А служащая в форме, засмеявшись, замахала руками: «Ничего. Мы задержим вылет!»

Потом этот стремительный переезд в северный город. Фортуна улыбалась ей — работа нашлась быстро. В институте после оптимизации неожиданно открылись вакансии. А Казимир двинулся по строительной линии. Но она этой лёгкости не очень поверила. Слишком много он захватывал: семья, работа, общественное служение. Что же главным-то станет?

На первый взгляд, всё время забирала община. А сколько документов. А сбор денег на аренду помещения...

«Это лишнее, Кир! Давай разбираться с жильём сначала!» — «Разберёмся!»

Но так оказалось, что община стала для Казимировых опорой во всём остальном.

Община помогла справиться с арендой. Община помогла в строительстве его же домика. Община организовала автобусный выезд на озеро в палатках. Но это позже было. А вот приехав на почту, Кир узнал, что это место действительно называется Лиловый пустырь, так как в летнее время зарастает иван-чаем. Лиловый пустырь, 3. Их домик крайний оказался, но по ходу ещё ближе был один участок пустой, только сваи забиты. А раз есть сваи, значит, и постройка не за горами. Мирон-то, оглядев окрестности, предложил привезти пару самосвалов гравия, грязь ведь по щиколотку.

Каждый выходной, получается, забит до предела. А в тот раз брат Казимир, брат Мирон, как заговорщики, собрались в какое-то новое место, в той же библиотеке. Пошли на рискованный гуманитарный эксперимент.

— Так-так! — заявила ведущая собрания, встряхивая лохматой шевелюрой в колечко, скорее всего, нахимиченной. — Сегодня мы рассматриваем новых авторов. У нас день знакомства с новыми авторами. Конец года, зима, а мы уже нацелились на новые

открытия. Новые имена, новые характеры, новые темы. Ну, ваш черёд, Катенька. Не правда ли, у вас вышла новая книга? Поделитесь с нами!

— Но книга — это громко сказано, — тихо, застенчиво заметила сорокалетняя Катенька. — Той книги с названием «Утешки» было всего несколько штук, её сюрпризом мне сделали друзья, я даже и не знала. А что касается большого тиража, то он мне не под силу. Ну да, жизненные наблюдения, какие-то заметки дамские. Я тут недавно увлеклась лоскутным шитьём... В общем, в центре повествования женщина, которая от одиночества овладевает народными ремёслами, и её жизнь меняется. Не думайте, я свой потолок знаю, и особых претензий у меня нет. Просто Нила Николаевна настояла...

Последовали смешки. Катенька показала книжку с красивой яркой обложкой, там стояли задорные девчата в виде чайных баб из цветных лоскутов.

— Ради собрания я вам прочитаю один рассказик, он простенький. Понимаете, когда у человека ничего нет, он может сам себе радость создать. Пока дети росли, мне некогда было в гору глянуть, а теперь дети выросли, и я увидела вокруг много чудес.

Катенька читала рассказик, и все начинали улыбаться и поворачивались в её сторону. Потом заплодировали.

— Хотелось бы мне иметь такую книгу, — сказала черноволосая, — если будет допечатка.

— Нет, что вы, — возразила Катенька, — это же вот так просто, для души... Но я вас буду иметь в виду, Неонила Николаевна!

— А, собственно говоря, так и приходят в литературу, — черноволосая Нила задумалась. — Большое вам спасибо, Катенька, вы просто украшение нашего собрания.

Потом знакомство со странным молодым человеком, который вроде бы читал сказочные баллады, но что-то было в этих балладах подозрительное, так как с первой строчки до последней можно было предугадать каждое следующее предложение.

— Боюсь, что попахивает эпигонством, — осторожно сказала черноволосая, — но слушать приятно, у вас определённо есть дар стихотворца. Что вы ещё пишете? Кстати, зовут вас как?

— Эд Сметанин. Да так, всё по мелочи, — сказал молодой человек в вязаной куртке, — эпиграммы, скетчи. Я ведь, собственно говоря, недавно начал, а тут услышал про ваше сообщество. Как, думаю, не зайти, всё-таки люди близкие по духу.

— Надеюсь, — помрачнела черноволосая, — общение с нами даст вам помощь и опору. Так, кто ещё, вот там, в углу в белом. Вы новенький?

— Да, новенький.

— И что же вы пишете?

— Да пока ничего, — нагло пожал плечами новенький. — Я надеюсь, что напишу что-нибудь, пообщавшись с вами. Говорят, много от вас лауреатов вышло.

— Что вы, какие лауреаты! — топнула ногой черноволосая Нила. — Никаких лауреатов. Мы здесь все свои, мы здесь все начинающие, все помогаем друг другу. Значит, не принесли на пробу никакого текста? Ведь это важно — не пропустить самое начало!

— Нет, — сказал человек в белом свитере. — Послушать-то ведь можно? Но в следующий раз обязательно.

— Смиреник какой, — недовольно заметила черноволосая Нила, — это подозрительно. Ведь, собственно говоря, если вы хотите писать, то у вас наверняка есть какие-то черновики, вот и почитайте.

— Да нету, — мягко сказал тот, что в белом. — Серьезно.

— Правда, что пока ничего нет, но непременно будет, — почему-то завелась женщина из архива, сразу кинулась на защиту.

— Представьтеся хотя бы! — ведущая нахмурилась, задумчиво ероша волосы.

— Не стоит пока. Но если вы настаиваете...

— Я настаиваю. Да! Я такая.

— Я — Кир Казимиров. Инженер-сметчик пятого СМУ — то есть «Строймонтажуправления». А вы?

— У него и псевдоним готов, — фыркнула ведущая. — Что я? Я Нила Волина, староста этой богадельни. Работаю в библиотеке. Но не в этой.

— Нет, это настоящее имя, — молвил Кир.

— Неужели по паспорту?

— Да, Казимиров Кирил Оттович.

Сидящие на банкетках люди засмеялись. А ведь она обидно сказала о них — богадельня. И никто не возмущен. Можно бы её и обрезать. Но такую словами не унять.

— Что ж ты ей скажешь в следующий раз? — улыбался друг Мирон. — Она же не отстанет.

— Сам не знаю. Мне давно хотелось попробовать, но тут придётся...

Кир перерыл свои блокноты и в одном среди расчётов нашарил обрывистые строчки, сущие наброски, буквально по две-три строки. Нужно бы доделать их, дописать хотя бы до четверостиший, но было лень. Прямо, выгонит она его за несделанные уроки... Ну, добавил кое-какие детали.

Итак, Кир Казимиров действительно принёс свои тексты на следующее собрание. Это оказались стихи простые и прозрачные. О грибах, алмазном дожде, о природе, о том, как ветка дрожит на фоне окна.

*Животное умеет есть и спать, мурлыкать и ютиться на коленках,
И мерять подоконника кровать, хвостом пушистым прикрывая зенки.*

*Я не умею жить без высоты, небесной гали толстыми ломтями...
Воспитанные с правдою на ты наполнены насыщенными днями...*

*Я буду жить вдали от пустяков, ногами отрываясь от планеты,
Где твердь земная — ниточки стихов, где вечность протыкает листья света...*

— Интересно, — отозвалась ведущая, — есть полет мысли, но мало лирики. Ее надо добавить, расширить пространство текста, облегчить его. Сделать тексты более небрежными, шикарными, чувственными. Обратите внимание, есть слова непоэтичные — организм, трактор, животное, они утяжеляют стих, и он идет ко дну. Я бы обошла как-то: «Оно, как все, умеет есть и спать...» И вообще, начать нужно с фразы «Я не умею жить без высоты», а не с котика! А слово «зенки» — вообще караул!

— Почему «караул»?

— Так просторечие же! Но потом проступают какие-то философские нотки, что-то вселенское, и получаются разные лексики, из разных опер. А вот те короткие, читайте еще раз.

*Ты запасай рассветы в звёздной сини,
Зрачки небес, как пламя на стекле.
Погаснет солнце, нам светить придётся.*

*Тает луна льдинкой в воде.
И я растворюсь в этот мир
без остатка.*

*Без пятнадцати
осень.
Мокрое небо
будет рвать листья.*

— Это что, первые стихи ваши? — бесцеремонно спросила черноволосая Нила Николаевна, кутаясь в лохматую шахматную кофту.

— Да, — развёл руками Кир. — Что, совсем безнадежно?

— Наоборот, — черноволосая глубоко вздохнула, — в этих стихах есть надежда на новый взгляд и даже, я бы сказала, есть поэзия. Правда, я верлибры терпеть не могу. Но пусть и другие попытаются формулировать.

Все оживились, захлопали, заспорили. Так вольно со словом здесь ещё не обращались. Была отдельно проза, отдельно стихи. А тут фрагменты какие-то, осколки, блики...

— Поймите, — убеждала Юля, женщина из архива, — ваши четверостишия правильны, но скучны. А когда вы разрушаете привычную форму, это дает эффект. Сквозит воздух, есть поэзия.

— Пришел яркий автор! — провозгласил киномеханик, вскинув руки. — Видно невооруженным глазом. Посмотрим, поэт он или прозаик. Может, и то, и другое сразу! Дайте же опомниться. Пусть ищет себя!

Каков же был поворот на следующем собрании. Это был действительно фурор так фурор. Приехали на электричке гости из другого города, знакомые. Волной, со своим очередным боевиком. Этот боевик был выпущен за счёт издательства! А не на деньги авторов. Для всех это стало шоком, никто ещё не выпускал тираж за счёт издательства. А всё только за свои денежки. Все растаяли, только новенький Казимиров ошарашил публику, когда прочитал на этот боевик ярую критику. Да ещё в таких смешных остроумных выражениях, с легкими подколами. И в то же время было понятно, что он едва скрывает своё восхищение. Такой критики никогда никто у них не слышал. Были или похвалы, или унижения. А чтоб вот так...

«Сюжет произведения закручен достаточно интересно, в лучших традициях приключенческой литературы. Автор умело используются классические приемы дедуктивного метода. «Интеллектуальный» поединок главного героя с преступником богато перемежается схватками, погонями и прочими атрибутами жанра. Непременным атри-

бутом детектива, а особенно детективной серии, является хорошо прописанный харизматичный главный герой. Такому герою нет нужды быть эталоном положительности, даже наоборот, тщательно выверенная доза грубости, цинизма или даже жестокости придает шарма и усиливает соперничество главному герою. Неидеальным читателям легче ассоциировать себя с такими неидеальными героями. Однако главный герой произведения, мистер Гэбрил, вызывает немало вопросов именно с этой стороны. Гэбрил производит впечатление сборного портрета Джона Уотсона, Перри Мейсона, Ниро Вульфа и некоторых других литературных персонажей. С одной стороны, Гэбрил представляется как беспризорник, выросший в приюте и воспитанный ворами. Он, однако, прошел как минимум две военные кампании и носит прозвище «Сухарь». Но для Сухаря Гэбрил слишком часто мучается угрызениями совести и слишком возвышенно идеалистичен, особенно в личной жизни и семейных отношениях. Да еще плохо переносит вид крови, по его собственным словам. Одно не вяжется с другим...»

Дама с шевелюрой задумалась. После бурного обмена мнениями с гостями она снова повернулась в сторону новоявленного критика.

— Слушайте, молодой человек, как вас зовут, в конце-то концов? Вы бы тут в личке написали, чтоб я поняла. И телефон.

— Меня зовут Кир Казимиров, — с достоинством сказал новенький. — Повторяю. Это имя и фамилия, никакой не псевдоним.

Гости подошли пожать ему руку. И кое-кто не удержался, подарил ему книжку в надежде на хлесткий отзыв. Ага, сразу захотели.

Кир, наконец, пожал руку учительнице своих детей, и получилось это только через пару недель с хвостиком после первого звонка. Всё это время дети ходили в школу с мрачным видом мучеников. Если им верить, то даже это грозило опасностью.

В кабинете, где была назначена встреча, горел казенный дневной свет. Обменялись ироническими поклонами.

— Давно хочу поговорить, Кирилл Оттович, — глядя в упор, сказала учительница. — С учёбой дети вроде справляются, даже с иностранным. Но они ни с кем не общаются. Почему? Почему всегда отдельно? Записала их в концерт общешкольный — не пришли. Участвовать не захотели тоже. На соревнованиях не были. На кросс не пошли ни он, ни она. Теперь вот театр.

— Это же по желанию.

— Но у них нет желания. Ребята не социализированы. Покажитесь психологу.

— Но зачем?

Одёрнула просторный джемпер, поправила выпендрёжный шарф. Она и на уроки так ходит? Где же имидж скромной, застегнутой на все пуговицы педагогини?

— Все выходные они где-то заняты.

— Они ходят на церковные службы со мною.

— Что значит с вами? В какой храм?

— У нас свой храм.

— Значит, это правда? Что вы состоите в секте?

— Ксения Кирилловна, наша организация зарегистрирована официально в минобразования и ведёт деятельность в рамках закона. Что вас не устраивает?

— А то, что вы детям забили головы, и они полностью дезориентированы. Это тоже в рамках закона? Броня ещё побойчее. Отвечает, в лицо смотрит. Общается с одноклассниками. А Пересвет — тот вообще всех дичится, всё исподлобья. У него и друзей нет. Вас это не настораживает?

Они замолчали.

— Ксения Кирилловна, в вашем голосе мне слышатся нотки агрессии. Если дети что-то натворили, поделитесь. А вопросами вероисповедания я буду заниматься сам. И не в горящем режиме. Я тоже мог бы у вас спросить, почему дети боятся в школу ходить. Я, кстати, пытался у них спросить, не признаются. Давить авторитетом? Но я предпочту этого пока не делать. Давайте сосредоточимся на вопросах учёбы, а всё остальное пока отодвинем. Хорошо? В ближайшее время я хотел бы перевести детей в другой класс. Или вообще в другую школу. Также я мог бы перевести их на удалённое обучение, чтобы расстаться с вами как с классным руководителем. Но лучше вы сами потушите конфликт, чтобы до этого не доводить. Вы же не новичок какой, чтобы над вами шефство брать. Умная женщина, а цепляетесь к мелочам. Как будто получили указ свыше и не хотите сказать, от кого. Да я догадываюсь.

Затем Кир взял и погладил руку суровой Ксении. Она же сидела, окаменев, глядя куда-то в стену. Потом странный родитель откинул за плечи гриву волос и тихо вышел из класса.

Мирон ждал Кира в микроавтобусе. Приятель Казимирова был плотный человек с бородой, в молодёжной куртке, смотрелся рядом с ним коротышкой. Но это скорее из-за квадратных плеч. На собраниях общины они виделись часто, но мельком, ибо Мирон обитал в зале, внимательно слушал, а Казимир — на кафедре проповедника.

«Ты же всё понимаешь, — убеждал его Казимир. — Давай подготовлю тебя для проповеди. Когда выступишь, будет понятно, готов ты или нет. Если так молчать, никогда ничего понять нельзя». — «Нет, — отпирался Мирон, — я не созрел духовно. И во мне нет того артистизма». Мирон стеснялся своей внешности. Хотя если бы он посмотрел на себя со стороны глазами сестры Ларины, то он бы ощутил себя красавцем. Но Мирон не хотел смотреть на общину как на ступени успеха. Он приходил, молчал, иногда вытирал набегавшую слезу, вспоминал о своей ничтожности. Он нелегко зарабатывал на хлеб, продавая и вставляя окна, и ему было неудобно, что он мало жертвует на общину. Старался всем помогать, в том числе и Казимировым на стройке, пока Кир отбывал работу в управлении. Он неизбежно полюбил бы Марфу, потому что видел её мягкость и теплоту, её кружение вокруг детей и мужа. Но сердце его оказалось уже занято.

В тот день, когда Кир собрался в школу, сломалась его старая машина. Мирона не надо было долго просить, тот примчался. Помог машину оттащить в ремонт. Увёз Кира, подождал и доставил после школы домой. И исчез. Вот такой был Мирон. Когда ещё Марфа работала, подсказывал к детям Казимира, чтобы сварить им кашу кускус и порешать математику. А когда Марфу сократили, иногда забирал детей из школы и молча вёз их в пиццерию. А при случае и сам раскатывал тесто для пиццы. «Женись уже!» — восклицала Марфа. «Если только на тебе», — отвечал ей Мирон с самым серьёзным видом. Марфа испуганно замолкала.

Это был скромный сибиряк с улыбкой Паваротти и очень низким басом. Когда он пел на службе, вернее, подпевал певцам, и то все оглядывались. Конечно, походы Казимира на литературные сборища мимо Мирона не прошли. Захотел посмотреть Мирон на своего друга как на писателя. Он покраснел лицом и шеей, на глаза набегала слеза, а сам всё покашливал в кулак, будто горло першило. Мирон же видел, что в Казимире вырастает новая возможность. У него и так их было полно, девать некуда. А Кир как будто выпрямлялся под взглядом Мирона и рос, выпятив грудь. Вероятно, хотел подбодрить, мол, смотри, ничего же страшного, давай за мной. Но дело в том, что Мирон-то мыслил очень конкретно, но писать ничего не писал. И если в общине Казимир мог ему подать пример в песнопениях, в проповедях, то здесь сама почва отсутствовала. Да нет, на комментарии Мирон всё же иногда решался, но только тогда, когда речь шла о похвалах. Ругать он не умел, искренне считая всех авторов необыкновенными людьми. Был там, конечно, странный парень, слегка не в себе. Если ему давали слово, он уже не мог остановиться, и даже окрики не помогали. Нила метала гром и молнии, увещевала — бесполезно. Как-то она воскликнула: «Да неужто он сам не понимает, господи!» В том-то и дело. Странный стал бичом для всех.

После собрания Кир подошёл к странному парню и отвёл его в сторонку поговорить. Мирон увидел это, ушёл. А странный парень с дёргающейся щекой исчез из поля зрения навсегда.

— Послушай, что ты ему сказал? Или сделал? — спросил Мирон, когда они шли с очередной встречи вместе с Киrom. — Не верю я, чтоб ты мог его побить.

— Считаю, это было изгнание дьявола, — усмехнулся Кир. — Забудь.

Казимир между тем так втянулся в новые возможности, что выпустил книжку. Мирон забеспокоился, что теперь будут страдать дела общины, но нет, проповеди и моления в доме «Слово Истины» продолжались. Приходили новые люди.

О помощи ближнему вещал брат Казимир в своей очередной проповеди, пронявшей Мирона до самых печёнок.

— «...Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. Иисус сказал ему: правильно ты отвечаешь; так поступай и будешь жить. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?» И тогда, отвечая на вопрос, Иисус рассказывает историю: вот был один человек, которого избили; он лежал на обочине, и вот той дорогой шёл священник. Заметьте, Иисус не говорил о простых людях. Он говорил о человеке, имевшем определённый статус. Это был Божий служитель, который шёл той дорогой. Наверное, он посмотрел на этого несчастного на обочине, потом посмотрел на часы, вспомнил, что у него есть срочные дела в служении и нужно бежать в церковь. И потому прошёл мимо. Точно так же поступил левит — человек, который тоже имел отношение к священству. Это люди, которые служили при храме, могли восхвалять Господа, быть в группе порядка — где угодно. Это были люди, имеющие отношение к священству. Но человек, который остановился, поднял несчастного и привёз его в

гостиницу, был самарянином. Самария — это область, которая презираема иудеями. Почему? Потому, что жители Самарии не являются чистыми иудеями, они смешались с языческим народом. Не случайно при беседе Иисуса с самарянкой у колодца упоминается: «Иудеи с Самарянами не общаются» (Евангелие от Иоанна, 4:9). Самаряне были кастой презираемых людей. Но Иисус, рассказывая притчу, задаёт вопрос: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» (Евангелие от Луки, 10:36). И законник отвечает: «Оказавший ему милость». Нашёлся человек, который оказал милость попавшему в беду, поднял этого несчастного, привёз в гостиницу.

Брат Казимир говорил вдохновенно и в то же время спокойно, не жестикулировал, не сверкал глазами.

— Мы говорим сегодня о сострадании к ближнему. Не кажется ли вам, что взгляд Божий смещается со священника и левита на простого человека — самарянина? Теперь уже он находится в фокусе Божьего зрения. У тех есть «погоны», то есть статус определённый, но это им уже не помогает. Иисус говорит: «Вот человек, который исполнил заповеди Божьи: возлюбил Господа и ближнего твоего». Этот самарянин увидел человека, попавшего в трудные обстоятельства и находящегося в нужде. Он пришёл, протянул свою руку — и решил эту проблему. И вот каким напутствием заканчивает Иисус эту историю: «Иди, и ты поступай так же».

После проповеди о помощи ближнему прихожанка Каролина прочитала обращение директора детского дома. Она сказала, что выросло число сирот, особенно после пожара в селе таком-то. И попросила обсудить в общине, какая может быть помощь оказана этому детскому дому. Может, часть пожертвований выделить. Брат Казимир её сразу поддержал.

Но только Мирон, ездивший в детдом с Казимиром, знал правду о тягостной процедуре усыновления пятилетнего мальчика, которую затеял его друг. «Но зачем тебе такая ноша? У тебя своих двое». — «А как я стану говорить о помощи ближнему, если сам ничего не сделал? Да и жалко мне стало пацана». Мирон просто обмер.

Он даже хотел Марфу расспросить о её мнении по поводу усыновления, а потом сообразил, что согласие даётся двумя родителями, не одним. Да и странно было бы, если бы у Марфы оказалось другое мнение.

Разбирали рассказ Нилы. Вёл собрание Кир, ради эксперимента. Сама ведущая велела ему, чтобы он попробовал. Это был рассказ про то, что все пережили в далёких девяностых, эти прыжки цен, жульничество, пиратство. Да и справедливость тогда находили тоже при помощи силы. В общем, знакомая история. Высказывания были разные, конечно, однако радовались узнаванию — это было приятно. Но когда слово дали читателям, публика застыла как пригвождённая. А в мёртвом молчании звучал приговор. Кир говорил смешно, остроумно и убийственно.

— Знаете, мы не фильм смотрим, — произнёс он, — а мы слышим пересказ фильма. На его фоне происходят какие-то события, неясные фигуры мечутся на экране, а вместо того, чтобы услышать героев, мы слышим лишь унылый пересказ, бормотание.

Нила побледнела. Но сидела не шевелясь, как бы не имея отношения к происходящему.

После этого никто не осмелился высказать другую точку зрения. Нила сидела молча, с неё слетела вся спесь, такая очевидная раньше, лицо стало мрачным, землистым. Так Мирон стал свидетелем новой победы своего друга, который, оказывается, не только умеет писать, но ещё и держать аудиторию. Ведущей пора было повеситься, но она вывезла Кира в другой город на чтения. Мирон в сопровождение не напрашивался, но посмотрел выступление Кира по видео, и это было классно.

С тех пор литературные заседания вёл Кир Казимиров. Прежняя ведущая куда-то исчезла, будто её и не было. И на этом новшества не прекратились. Теперь на заседаниях всё чаще появлялись ребята-литераторы из болгарского клуба Кирилла и Мефодия, рассказывали о себе, о своих книгах, об их конкурсах. Были среди них и фантасты, и реалисты, и историки. Они по-настоящему любили Россию. Над ними не висели законы местной литературной школы, и у них довольно легко было издаться. Казимировы, конечно, съездили летом в Болгарию. К тому времени у них уже было трое детей: Бронислава, Пересвет и Семён. Из Болгарии Кир присылал хорошие тренинги по стилю литературной речи, вывешивал на свой сайт.

— Слушай, Кир, а тебе не жалко её? — спросил Мирон за ужином у Казимировых. — Она же тебя всему научила. Я о старой ведущей.

— Ещё поплачь, — усмехнулся Кир. — Старому нет места в новой жизни. Старую мебель надо выбрасывать, хотя к ней тоже привыкают. Нила слишком самодержавная — всю работу на меня перевалила. Да, я умею теперь и это. Но заниматься этим буду только добровольно. Добро, как ты знаешь, не терпит нажима. А Марфе это совсем не нравилось, кстати. Вон улыбается. Пальчиком грозит.

И он откинул назад красивую гриву русых волос.

Путешествие на чтения рисовалось лёгким. Билеты заказали заранее, доклады писали месяц. Кир описал буддистские символы в романе знаменитого шестидесятника, Киру вообще быстро давалось всё философское.

Нила взяла тему его раннего сценария, чтобы показать, как уже в первой вещи проступили черты общего стиля.

— Только я не пойму, зачем я вам нужен там? Отвезите им мой доклад, и всё!

— Да ты не понимаешь! Я хочу познакомиться тебя с активом фан-клуба! Пусть они увидят тебя, удивятся! Ты будешь свой человек в их кругу! И потом будешь ездить как к своим друзьям.

— Всегда? — удивился Кир. — Столько раз воду в ступе толочь?

— Это же неисчерпаемый писатель. Для меня он вечно новый!

— Так это приговор пожизненный?

— Ты главного так и не понял.

— Это для вас. А мне, может, тошно быть вашим протеже. Я привык надеяться на себя и только на себя!

— Вот и хорошо. Они тебя увидят настоящего, и не думай, от них ничего не скроется!

Перед сбором в конференц-зале клуба они пошли на передвижную выставку малых голландцев. Весёлая Айша, которая не любила старинную живопись, увязалась с ними, оказалась компанейская. И всё фотографировала в галерее без остановки. По лицам прыгали и скользили вспышки от съёмки. К ним подошла смотрительница и вежливо запретила снимать. Но хитрая Айша в модной лоскутной жилетке показала ей заранее купленный талон на фотосъёмку. Смотрительница сухо извинилась. И вот на этих фотках Айши Нила потом увидела и себя неузнаваемую, другую, и выставку другую!

Нила жадно рассматривала голландцев, но впиваясь взглядом в полотна, она как-то сразу устала. Лицо её пылало от смущения, а может, от возмущения. Отказавшись при входе от трубки-путеводителя, Неонила как-то растерялась и невольно стала меньше ростом. Озираясь вокруг, она будто стала заблудившимся ребенком. Бледные средневековые женщины в бархате и мехах смотрели безучастными глазами с этих старинных картин, а может, это были копии, но в этом разбирались только специалисты. На кадрах же Айши Нила будто даже отшатывалась от экспозиции, указывая куда-то пальцем. А это оказалась копия работы с библейским сюжетом, который Нилу полностью заворожил. Она в панике оглядывалась на Кира, и тот, снисходительно усмехаясь, рассказывал ей смысл изображения. Возможно, он и сам не помнил и, чтобы вспомнить, звонил куда-то? Он же мог позвонить, например, брату Мирону. Или Марфе. Марфа, кстати, реагировала на отъезд Казимира трагически. Обнимала долго и перед вагоном, и внутри вагона: «Больше не отпущу». Казимир осторожно убирал её руки. Он смотрел вокруг невозмутимо и даже сонно. На кадре весёлой Айши Нила в своей лучшей нарядной блузе слушала Казимира, отклоняясь от него как от огня.

Сюжет картины раньше не был знаком Ниле. Но здесь она была на нерве.

Изгнание Агари. «И увидела Сарра, что сын Агари Египтянки, которого она родила Аврааму, насмехается (над её сыном, Исааком)» (Бытие, 21:9).

То есть в доме Авраама женою Авраама была не только законная супруга Сарра, но была ещё рабыня Агарь, более молодая и более красивая, также имевшая сына от Авраама. И вроде бы этот незаконный сын насмеялся над законным, Исааком. Это стало поводом для скандала, в процессе которого Сарра потребовала от Авраама изгнать Агарь. Повод скорее всего был надуманный, просто Сарре нужно было расправиться с соперницей.

«Ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком» (Бытие, 21:10). Презрительно-горделивое поведение Агари с Измаилом в отношении к Сарре с Исааком, быть может, особенно сильно выразилось в какой-либо выходке на вышеуказанном семейном пире (Бытие, 21:8) и побудило Сарру принять против этого более решительные меры. Руководимая в своём решении особым божественным внушением, она властно требует от Авраама, чтобы тот удалил эту рабыню и её сына, мотивируя своё требование тем доводом, что напрасно Агарь и Измаил лелеют мечты о первородстве и наследстве — ничего подобного они не имеют и не получают, так как всё это принадлежит их единственно законному наследнику, сыну обетования — Исааку».

«И показалось это Аврааму весьма неприятным ради сына его (Измаила). Но Бог сказал Аврааму: не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всём, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса её, ибо только в Исааке наречётся тебе семья» (Бытие, 21:11-12).

— Ну, не свинья ли этот Авраам? — возмущённо шептала Нила в ответ на рассказ Казимира. — И откуда ты всё это знаешь?

— Читал кое-какую литературу, — улыбался Казимир, — коль уж я занимаюсь религиозной деятельностью, мне пристало читать Священное Писание.

Судьба не случайно навела Неонилу на эту выставку и на сопутствующий библейский сюжет. Ей бы как-то смириться и затихнуть, но нет, затихнуть она не могла в принципе. Наоборот, придя в конференц-зал столь необходимого ей фан-клуба, Нила носилась там подобно урагану, знакомила всех со всеми, раскидывала везде распечатки своего доклада, в то время как аксакалы авторской песни обречённо кивали: «Хорошо, что она не здесь живёт». На чтениях доклады сменялись балладами под гитару, и в среднем действие шло около трёх часов. Выступление Айши, эмоциональное и не очень выстроенное, касалось женских образов в романе «Самшитовый лес» и сопровождалось слезами самой Айши и неприлично долгими аплодисментами. Выступление Казимира оказалось самым длинным, но зал сидел не шелохнувшись. «Птица Гаруда, именем которой назван роман, переводится с санскрита как «всепожирающее Солнце». Также она является одним из символов просветлённого ума в тантрическом буддизме. Этот символ обозначает мгновенное просветление, быстрое и яркое как вспышка молнии. То, что было скрыто в темноте, разом открывается наблюдателю во всём своём многообразии и полноте. Таким образом, мы видим, что столь особенным названием автор задаёт вполне определённое ожидание всему тексту романа. И, следовательно, этого ожидания и следует придерживаться читателю, чтобы искра озарения и понимания в нужный момент осветила творческий замысел автора.

В разрезе буддизма также представляется весьма символичным Пустырь, который является сценой многих событий романа. Пустырь, пустота, нигиль, ничто. Во многих гипотезах о возникновении Вселенной она появляется из Ничего (либо из чего-то не поддающегося описанию, как, например, сингулярность). Так же говорит и дед Зотов: «В пустоте, Петька, рождается творение. Ибо больше ему родиться негде». Посредством неизвестной нам силы из великого Ничего возникает не менее великое Всё. Интересна также Эос, богиня зари, чьим именем названа первая часть романа. Она — Аврора, символ обновления, любви, торжества человека и человечности.

Революция семнадцатого, Гаврилов и Маркиза в двадцать девятом, ядерная бомба, достигнутая Луна, в ключевых моментах повествования автор снова и снова напоминает читателю об образе Эос. Этим он выстраивает особую цепочку событий, имеющих особую важность для раскрытия смысла романа.

Один из главных героев романа, Виктор Громобоев, называет себя Паном — богом природного вдохновения и пешеходной тропы. И Виктор раскрывает Зотову главного врага Пана, которым является Термин — римский бог межевого камня, разделения, расчленения и остановки. А отделение и остановка для Пана равна смерти. Его жизнь только в целом, в постоянно меняющемся и обновляющемся целом. Возлюбленную Виктора, Миногу, неоднократно называют Сиригой, одной из наяд, в которую влюбился Пан».

Казимир вдохновенно шутил и гипнотизировал. Аксакалы переглядывались. Выход самой Воиной в чёрно-красном конструктивистском платье поставил в чтениях жирную точку. Она шухарила почем зря.

«Баллада о счастливой любви!» В ней речь о чувствах китайки и русского. Будучи человеком больших страстей, Автор ставит между героями немислимые препятствия, полагая, что счастье есть борьба за это счастье. Это и возраст, и социальные перегородки, и принадлежность к разным нациям.

Девушка Мейхуа — китайка, Василий — русский парень. То граница горит, то война. Их то бросает ближе, то разводит надолго. Это очень жестоко. «Баллада о счастливой любви» на самом деле настолько трагическая вещь, что в заголовке чудится ирония. Но Автор, кажется, был далек от того, чтобы шутить. Он стремился показать историю любви, пронизанную и горем, и героизмом. И за этим стоит целая философия вселенской всеобщей любви».

Народ освобожденно смеялся.

Бригада Нилы Воиной погрузилась в обратный вагон под дикие возгласы бригадирши «Сыр победы, раздавайся!» Это она резала под стук колес острый сыр «чеддер», а больше ничего и не было. Было чувство плеча, и еще — что им все по плечу теперь. Прибытие в родной город в пять утра пробило всех крупной дрожью. «И зачем вам это всё надо?» — повторяла в замешательстве Айша, запахнув плотней лоскутной жилетик. Проба «на шестидесятника» прошла удачно. «Пора тебе журнал делать», — громко велела Воина. «Вот наглость», — подумал кое-кто, но вслух ничего не сказал.

Нила прокралась домой на цыпочках, съела котлету, как украла, и упала спать. Она вечно куда-то спешила — «спешил, летел, дрожал, вот счастье, думал, близко!» После

чтений батарейки разрядились. В горле ком колючей проволоки, во всём теле боль и ломота, жара жарючая, ощущение — не выживет. Около неё проявлялись мужики в зелёном, врачи скорой, но она думала, это колонны музея. Выйдя с больничного, Нила обнаружила мир сверкающим, словно вымытая посуда. На кружок никто не пришёл. Она побрела в кафе на углу, там сидели Айша и Кир. Пока болела Нила, Кир вёл и кружок, и лито в библиотеке. Нилка молча устала на чашку чая и изящный пирожок с яблоком. Айша шепталась с Казимиром как-то очень заговорщически. Неужели она вела какую-то подрывную работу с молодежным кружком? И почему вдруг все резко не пришли к Ниле? Потому, что уже занимались с Казимиром?

Кафе было забинтовано в широкие солнечные лучи.

Нилка съела пирожок и тихо спросила:

— Ты, наверно, уже всё умеешь, Кир? Всему научился? Бери их всех. Я больше не могу!

С тех пор Неонила появлялась на заседаниях как тень самой себя. С ней никто не здоровался, никто не узнавал, все смотрели в рот Казимиру. А когда Нилка уставала молчать и кидала реплику, Кир её успокаивал:

— Отдыхайте, Нила Николаевна. Всё равно не то говорите.

И она умолкала, а присутствующие только переглядывались. Она привыкла всем указывать, помнила график презентаций, кто за кем и кого куда звать, а теперь всё было не по её желанию, а вопреки. А на обсуждении она давала слово лишь самым крупным, речистым, случайные же могли сидеть молча. А Казимир — нет, он давал слово всем, кто пришёл, например, юристу, а не поэту. Соответственно и выходило выступление в виде разборок, а не ёмкий образ, как птица, слетевшая свыше. Попытка же как-то помешать этому плоскому подходу всякий раз срывалась. Особенно Ниле было обидно за гостей, приехавших издалека, например, из района. Гости покрывались пятнами и на ходу голос теряли. Вот тогда Шагинова за месяц договорилась, явилась в выходном платье, туфельки передела, за четырёста вёрст ранней маршруткой тащилась, а ей показали образец бюрократической бодяги. А сами и половины не написали, сколько она.

— Ах, вы, засранцы, — прошипела Волина безадресно и потащила нарядную, смущённую до невозможности Шагинову за рукав. За ними не последовал никто. Шагинова, шмыгнув носом, пошла на автовокзал. Безобразия полное.

А как они писали тренинги на кружке, то есть в младшей группе? Нила мучительно думала про эти тренинги, но в принципе не боялась. Ведь Кир уже два года писал эти тренинги, должен понимать. Волина раньше давала тему одну на всех и смотрела на каждое отдельное воплощение. А тех, кто не хотел идти на расширение темы, отшивала. А тут он дал им схему — и строчите. Да нельзя схему! Они заленятся и дальше будут писать по схеме, какая бы она шикарная ни была. А что в итоге? Коммерческий текст получится с заранее заданными параметрами. Нет, надо ещё сходить и глянуть на результаты! Вдруг у них всё получится?

Через месяц на кружке читали заданный тренинг. От страха Нила сжала кулак и сцепила челюсти. Тренинги были хорошие, то есть разные. Дошло дело до неё, она тоже почитала. Правда, не совсем по теме. Но промолчать было бы хуже. Казимир был спокоен, небрежно безжалостен. И говорил он не только о данном тренинге, а вообще, расширительно.

— Достоинства и недостатки произведений Волиной — это зеркальное отражение окружающей нас действительности. Автор вряд ли может считаться внимательным созерцателем, поскольку прилагательных, обозначающих нюансы вкусовых, тактильных, цветовых и других ощущений, в её лирике встречается очень немного. Зато её стихи, напротив, изобилуют глаголами, причастиями, наречиями, то есть словами, обозначающими либо действие, либо состояние. Это свидетельствует о высоком уровне эмоциональности. Но где же работа над текстами? Вы посмотрите на её языковое поле. Полное смешение стилей. И если в прозе это не так видно, то в стихах совершенно неприглядно, там же объём текста минимальный.

Волина хотела заорать, как он смеет, но прерывать комментарии было не принято, поэтому она не шевелилась, только сильнее сжимала кулаки. По публике прошёл шум. «Волина в литературе не первый день, — сказал кто-то. — И она уже мастер. Давайте конкретно по делу».

— Конечно, по делу, — согласился Казимир. — Разностильность речи невероятная. Смесь канцеляризма, научной лексики, просторечья, жаргона. В одном стихотворении могут встретиться просторечные «сперва», «сдохнуть», устаревшие «злато», «испил», пафосные «познать», «нетленно». Это — тоже одна из особенностей Волиной: черпать из своего словарного запаса полной ложкой, даже половником, без большой избирательности. Всё идёт в дело. В каких-то случаях это хорошо, когда оправданно с точки зрения художественного замысла, в других — не очень, когда создаётся ощущение, что автор недостаточно отшлифовал своё детище, не дав ему законченности за

счёт «вавилонского смешения» стилей. Людовик Четырнадцатый, конечно, любил сливать все супы в один, но смесь ухи и куриного бульона не каждый станет есть. А это не профи.

Засмеялись сначала нерешительно, потом громче, дальше пошли выкрики согласных и несогласных.

Нилу Волину охватило безразличие. Возражать не хотелось. Ведь он был прав. Такие минусы, конечно, реальность. Но где же плюсы? Наплевать уже. Вот все они, её бывшая группа, они же полюбили его. Весёлая Айша, наверно, первая была за то, чтоб поменять руководителя.

Она пошла прочь и нечаянно толкнула человека в вестибюле, это был, конечно, брат Миро, сидящий в кресле с вытянутыми ногами. Мирон же обратил внимание, что женщина идёт как пьяная, и пошёл за ней. Проводил её до дома, но она села на бортик в песочнице и сказала: «Всё, спасибо, Мирон, идите». Он не уходил, ибо видел, как она корчилась. Что с ней, что? Она стала какая-то мокрая, вытирала рукавом лоб и держала себя обеими руками.

— Дать нитроглицерин? — она покачала головой. Но он дал ей таблетку. — Может, вам исповедаться? Он хороший духовник. Каждый раз после заседания его народ ждёт.

— Пардон, но у меня другая конфессия, — она еле губами шевелила.

— Да при чём тут конфессия? — она всё мотала головой. — Мне кажется, вы ему дали много власти, и это его испортило.

— Даже если власть, Мирон, нужно ли бить лежачего? Пыльную училку, которая в два раза старше...

— Так он же радио, — Мирону пришлось ей сказать, хотя это было и так очевидно. — У него нет жалости. Вы поставили его на конвейер, и он будет дальше делать всё что угодно. Тренинги писать. Журнал верстать. И конца этому нет. И никакой он не засранец, просто всё делает на совесть. А за все его ошибки ответственность несёте вы, значит, плохо научили. Хотите совет? Бросьте это поле, ищите другое. Вы видите, что весь кружок от него без ума? Потому что он включил харизму на всю катушку. Ну, и пусть себе пашет. Он в общине пастор — и нормально справляется. Община выросла до сотни человек. Они с женой третьего ребёнка усыновили. Дом построили. Он книгу сделал, спасибо вам. Философский клуб — про это не скажу, я туда не ходок. Почему вы не можете бросить и пойти дальше? — они сидели на бортах песочницы, и во дворе уже качались фонари. — Кир везде пробивается как сорняк, его не выкуришь. Пускай. Хотя он, наверно, занижает вашу самооценку. Это ранит вас, — Нила молчала. — Не вечно же вам его пасти. Отдали — имейте мужество забыть.

— Так смотрите, Мирон. Он теперь учит других писать, а сам? Он же свою-то настоящую книгу так и не сделал!

— О, у вас ещё и совесть проснулась. Пусть сам выпутывается.

— Иные на это полжизни тратят. А он так и не начал писать по-настоящему.

— Может, для него кайф не в творчестве. А в управлении процессом. Ну и что, его выбор. Вы-то находили время и на кружки, и на книги? А?

— Находила.

— Ну вот! Вы за него не напишете. Это не ребёнок, которого можно усыновить.

Изнутри должно выйти...

— Да я понимаю.

— Так чего ж вам ещё?

— Я хочу, чтоб он вернулся. Чтобы снова как раньше...

— Куда вернулся? Он-то на своём месте, а вам места нет. Вы роль свою исполнили.

Мало вам досталось? А ещё эта премия. Честное слово, он не дорос. Вы мечтали про помощника. И вот он пришёл, помощник. Чего ещё желать? Идите, отдохайте.

— Но вы разговариваете одинаковыми словами! Сговорились?

— А вы подумайте, отчего так. Может, пора прислушаться. Принять.

— А этой Агарь, наверно, не хотелось уходить. Но ведь ушла. Знаете историю про изгнание Агари? Знаете...

Мирон рокотал голосом на низах. Нила слышала, что голос повышается от неуверенности и понижается, когда человек уверен в себе. От этого плотного бородатого малого, который посвечивал улыбкой в сумерках, исходило спокойствие. Пусть он просто пожалел её сейчас. Но нет, нет ему веры. Он же друг врага. И хватит уже старые раны травить. Агарь изгнали — она и пошла в пустыню, бедная Агарь, которая обнимала за плечи своего сына. А ведь горько ей было.

Нет, Нила сейчас пойдёт домой, найдёт в холодильнике салат из крабовых палочек, сварит ароматный какао с молоком и включит сериал «День за днём». И всё переживёт. Это сейчас она крутит шарф, на бахrome узлы вяжет. Слезы глотает. Всё, это было в последний раз! «Всё!» А завтра всё начнется с начала.